

Дудолодова А. В.

МЕТАФОРИЗОВАННЫЕ НОМИНАЦИИ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Долгое время метафора считалась сугубо поэтическим явлением, немного риторическим и не воспринималась как часть повседневного языка. Однако возросший интерес к метафоре, в частности, со стороны когнитивной лингвистики кардинально изменил представление о доселе поэтическом «инструменте воображения» [1, с. 25-30] и открыл дорогу новому направлению – метафорике.

Проблема метафоризации языковых единиц, а также явление метафоры как одного из главных факторов когнитивной природы языка уже изучалась многими учеными и никогда не было обделено вниманием отечественных лингвистов [5; 6].

В настоящей работе мы руководствовались работами известного американского специалиста по лингвистике и одного из творцов порождающей семантики Дж. Лакоффа, в частности бестселлера «Метафоры, которыми мы живем», где метафора рассматривается как способ понимания окружающего нас мира, как еще одно из чувств, как слух, зрение, осязание [1].

Поскольку в фокусе данного пилотного исследования находятся вербальные средства, используемые в области вооруженных конфликтов, а также явление метафоричности в языковых номинациях и как следствие полная или частичная эвфемизация реальных событий, то объектом нашего исследования были выбраны метафоризованные номинации вооруженных конфликтов в современном английском языке, как уже устоявшиеся и широко распространенные в массовой культуре англоязычных стран, так и вновь появляющиеся, рождающиеся на страницах современных периодических изданий.

Предметом данного исследования являются структурные и качественные признаки метафоризованных номинаций на материале современного англоязычного публицистического дискурса, явление эвфемизации и ее влияние на восприятие поданной информации, общей номинации вооруженных конфликтов и придания оттенков значения, а также проблема «Свой – Чужой».

Метафора влияет на нашу жизнь, отражаясь не только в языке, но и в мышлении и деятельности [7, с. 28; 13]. Суть метафоры – понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида [1, с. 26].

Метафоризация приводит не только к «получению нового знания о мире, но и к оязыковлению этого знания». Она обладает свойством «навязывать» говорящим на данном языке специфичный взгляд на мир [3, с. 33-40]. Такого вида «навязывание» способа мировидения и мышления о мире в определенном вербально-ассоциативном диапазоне не заслоняет истинного понимания происходящего. При этом язык подключает к концептуальной модели мира, т. е. к его собственному понятийному отображению [2, с. 219]. Метафора привносит в новое значение языковой единицы «следы» того образа, который ассоциируется с обозначаемым, буквальным значением переосмысливаемого слова или словосочетания. На примере словосочетания «*to put up a smoke screen*» видим, что значение дымовой завесы сохраняется.

Подобие, лежащее в основе языковой метафоры, мешает значению выполнять собственно номинативную функцию, поэтому живой образ в таком наименовании стирается, а значение имеет тенденцию к генерализации. Поэтому большинство метафорических номинаций воспринимается человеком как нечто обыденное и привычное [3, с. 42; 4, с. 94]. Таким образом, метафора, позволяя нам осветить и осмыслить один аспект концепта, «затемняет» другие стороны [1, с. 25-30]. В то же время метафоризованные номинации расширяют возможности представления в лексике того или иного фрагмента мира и дают исследователям дополнительную информацию о характере его кодирования.

Рассматривая данное положение в контексте вооруженного конфликта, для начала уточним значения метафоризованных номинаций. Это языковые единицы, в которых концептуальный комплекс вооруженного конфликта получает языковую объективацию [3, с. 30], а знаковая специфичность таких номинаций обусловлена их метафорической природой.

Обратившись в данной статье к представлению вооруженного конфликта в языке, следует определить природу конфликта как такового, поскольку в его основе лежит «взаимодействие, имеющее специфический характер и требующее изучения данного феномена, направленного на анализ вербальной составляющей такого взаимодействия» [8, с. 242]. Проблема анализа конфликта является достаточно новой для лингвистики. Однако учеными уже выдвинут ряд стратегий и тактик изучения конфликтного дискурса. С течением времени, с изменением и развитием общественных представлений о роли языка, исторических и национальных реалий меняется и понятие конфликта. Развитие его значения прошло долгий путь, воспринимаясь ранее как чисто негативное явление, теперь конфликт – это нормально, это не обязательно плохо [8, с. 238]. Конфликт сегодня – это столкновение интересов, разница во мнениях. Мы же остановимся на военном конфликте, а именно его вербализации в СМИ.

Неоднозначная природа конфликта и субъективность восприятия данного феномена обуславливают специфику его оценки. Всегда являясь односторонними, оценочные критерии влияют непосредственно на выбор лексических средств для описания конфликтов. Конфликт вооруженный предполагает разнообразие лексических вариантов, используемых в СМИ. Периодические издания придают таким конфликтам «однобокость», освещая события в свете своих предпочтений. Разница мнений сторон, столкнувшихся в конфликте, и составляет оппозицию «Свой – Чужой». Поддерживаемая сторона изображена положительно, соперники – отрицательно. Такое противопоставление присуще любому конфликту и выходит за рамки традиционного негативного понимания данного явления [9; 10]. Остановимся на вооруженном конфликте и роли СМИ в освещении его развития.

Роль «третьей силы», а именно СМИ, в жизни населения страны нельзя недооценивать. Призванные информировать нас о текущих событиях средства массовой информации зачастую навязывают нам свое видение

проблемы, видение конфликта. Даже мнение американцев, к примеру, по поводу участия в войне зависит непосредственно от того, как это подадут масс-медиа США.

В бытность войны во Вьетнаме излишне свободный доступ журналистов к театру военных действий под угрозу имидж американских солдат. Уж слишком они боялись оружия и войны. В Сомали журналисты запечатлели американцев в страхе перед местными головорезами. В войнах в Персидском заливе и Афганистане, однако, Пентагон уже был научен горьким опытом и держал репортеров подальше от горячих точек. Как следствие, сегодня американцы привыкли к относительно «чистым» войнам, за исключением лишь редких всплесков информации по Си-Эн-Эн. Масса военных трагедий канут в Лету неслышанными и незамеченными.

Что касается войны в Ираке, то тут прерогатива Пентагона ясна: участие СМИ и большее освещение событий. Журналисты будут представлять «нужные факты» и препятствовать дезинформации. Для начала уже «внедрили» около 500 репортеров для работы на военных базах, и это позволит запечатлеть любое действие, не компрометирующее победу США. Журналистам пришлось согласиться на «тома» условий и правил, чтобы получить доступ к театру военных действий. Насколько невыгоден компромисс, на который пошли журналисты, настолько беспристрастно будет изложение фактов [12, с. 6].

«Война» как термин сегодня как никогда ранее неудобна, и средства массовой информации обращаются к пресловутой эвфемизации, дабы изменить отношение своей аудитории к фактам и событиям. Замене подлежит не только само слово «war», но и сопутствующие определения. Для снижения значения вместо денотата «war» используется «*conflict*», «*fighting*», «*fight*», «*movement*» для придания остроты – «*threat*». Соответственно под выражением «*armed conflict*» мы понимаем ничто иное, как «*war*». Значение «войны» сохраняется и в нейтрально звучащем «*low-level conflict*». Войну описывают по-разному, что влияет на наше восприятие: ср.: «*civil war*» и «*holy war*», «*border war*» и «*racial war*». Обращая внимание на умелую маскировку целей войны, не следует забывать о том, что любое «вооруженное столкновение» происходит ценой человеческой жизни.

Так, например, администрация президента Буша весьма неоднозначно назвала теракты 11 сентября «*truly unique and extraordinary circumstances*», подразумевая ничто иное как «*terrorist attacks*», сообщает газета «*The Christian Science Monitor*» [12].

В пилотном исследовании мы попытались в различных аспектах проанализировать более 200 примеров на материале современной англоязычной прессы. Одним из критериев выступали качественные признаки исследуемых выражений, а именно степень их узуализации. Таким образом мы разделяем уже устоявшиеся метафоризованные лексико-фразеологические номинации и новые языковые единицы данного типа: 37% всех примеров выборки подпадают под определение устоявшихся метафоризованных единиц, а 63% – новых элементов. Полученный результат свидетельствует об увеличении частотности употребления лексических номинаций в метафорическом значении в современном английском языке в политических целях.

Другим критерием анализа выступила частеречная принадлежность данных номинаций. Именные метафоризованные номинации среди них образовали большинство (54%) и представлены следующими образцами:

- *Ethiopia, for instance, is an anchor of strength and relative stability.*
- *A World War I-style conflict in which both sides sent waves of soldiers into enemy fire.*
- *France and England drew together in the face of a threat from Germany.*
- *The other large elephant in the room influencing what happens in Iraq is the US presidential election.*
- *The first tentative seedlings of democracy are poking their heads. [12]*

В данных примерах представлены как устоявшиеся, так и новые метафоризованные номинации. Далее по частотности употребления следуют глагольные номинации (26%), проиллюстрированные следующими примерами:

- *War has in fact roared back.*
- *The violence was orchestrated from abroad and fits the pattern of other global terror attacks.*
- *Pouring more US troops into Iraq is not the path to extricate ourselves from that country.*
- *He will seal the Gaza Strip.*
- *Islamist terrorism had morphed a greater danger. [12]*

Адъективные метафоризованные номинации, хотя и оказались в результате проведенного исследования в меньшинстве (20%), имеют более яркую эмотивную окраску.

- *Americans now have grown accustomed to relatively «clean» wars.*
- *There was another suicide attack in Israel.*
- *Mothballed warheads pose a continuing threat.*
- *Keeping track of foreign visitors was a fairly slipshot operation.*
- *American franchises have found themselves at risk as «soft targets». [12]*

Данное исследование затрагивает явление языковой эвфемизации в средствах массовой информации и динамичность языковых изменений в англоязычном публицистическом дискурсе, что подчеркивает актуальность данной темы. Полученные результаты указывают на устойчивую тенденцию к номинализации в современном узусе. Дальнейшее исследование предполагает анализ метафоризованных номинаций в прагматическом аспекте и углубленное изучение их функционирования в публицистическом дискурсе.

Источники и литература

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ./ Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
2. Потапова Е. И. Взаимодействие метафоры и метонимии в выражениях, описывающих акты искажения истины // Вісник Харківськ. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. – 1999. – № 461. – С. 218-223.
3. Потапова Е. И. Когнитивно-семантические аспекты метафоризованных лексико-фразеологических номинаций лжи и обмана в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Харківськ. нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна. – Х., 2004. – 20 с.

4. Потапова О. І. Лексико-семантична група викривлення істини (на матеріалі лексики англійської мови) // Вісник Харківськ. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. – 2000. – № 500. – С. 93-98.
5. Стернин И. А. Концепт и языковая семантика // Связи языковых единиц в системе и реализации. Когнитивный аспект. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. ун-та. – 1999. – Вып. 2. – С. 69-75.
6. Телия В. Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация (Виды наименований). – М.: Наука, 1977. – С. 129-221.
7. Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 26-52.
8. Фролова І. С. Вербалізація конфлікту у дискурсі // Дискурс як когнітивно-комунікативний феномен. – Х.: Константа, 2005. – С. 237-262.
9. Шейгал Е. И. Семантика политического дискурса. – М.: Гнозис, 2004. – 326 с.
10. Шейгал Е. И. Театральность политического дискурса // Единицы языка и их функционирование: Межвуз. сб. науч. тр. – 2000. – № 6. – С. 43-67.
11. Bugarski R. Discourse of War and Peace // Folia Linguistica. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. – № 34. – P. 129-145.
12. Christian Science Monitor. – Vol.3, Issues 18-25. – 2003.
13. Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought. – Cambridge: Cambridge University Press. – 1994. – P. 396-439.

Дудоладова О. В. К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ МЕДИА-ДИСКУРСА

Возникновение нового вида дискурса, который называют медиа-дискурс, медийный дискурс или дискурс СМИ, обусловлено тенденциями интернационализации и глобализации, развитием современных телекоммуникационных технологий в мировом сообществе. Данная статья посвящена анализу подходов к исследованию медиа-дискурса, проблема которого широко обсуждалась западными учеными (Дж. Оруэлл, Т. ван Дейк), а интерес к его изучению и на сегодняшний день не ослабевает. Несмотря на тот факт, что сам термин «дискурс» до сих пор не получил четкого и однозначного определения, уже появился новый термин «медиа-дискурс» (и соответственно новая область исследований – медиа-лингвистика), который также имеет различные толкования. Вместе с тем, не всегда ясно, что именно подразумевается под термином «медиа», не определена основная единица и методы анализа данного типа дискурса.

В первой половине XX столетия языкознание на протяжении долгого периода было сосредоточено на изучении языковой системы, однако, начиная со второй половины 60-х годов, центр внимания лингвистов переносится на другую сторону этого диалектического единства – речевую деятельность и ее продукт – дискурс, формальные характеристики которого были определены в 1952 году З. Харрисом [10, с. 100]. В результате антропоцентрического поворота в современном языкознании центральной проблемой изучения стал человек как создатель и потребитель вербальных сообщений, которые сегодня анализируются на качественно новом уровне исследований – на уровне дискурса.

Целью данной статьи является уточнение понятия дискурса, сравнительный анализ публицистического и медиа дискурсов, а также постановка проблем для дальнейшего изучения.

Среди актуальных проблем современной лингвистики исследованию дискурса принадлежит особое место, поскольку «дискурс является единым организмом, в котором одновременно реализуются самые разнообразные аспекты не только языка, но и языкового мышления» [6, с. 202]. Сегодня понятие дискурса и ряд родственных ему понятий нередко употребляются как взаимозаменяемые. Попробуем разграничить эти понятия, с целью дать определения публицистическому и медиа дискурсам.

Дискурс, включающий в себя лингвистические и экстралингвистические компоненты, проявляется в коммуникации, коммуникация без дискурса невозможна [3, с. 115]. При этом понятие *коммуникации* также лишено однозначной трактовки. Наиболее общим является взгляд на коммуникацию как на целенаправленный процесс, служащий для передачи сообщения, для семантико-символического взаимодействия, одним из средств которого является речь, а знаковой целостной формой организации – текст [6, с. 32].

Таким образом, под коммуникацией понимаем процесс взаимодействия адресанта – автора текстового сообщения и адресата – читателя с целью получения информации. Этот процесс включает как объективно существующий экстралингвистический контекст, так и вербализованную речемыслительную деятельность, привязанную к данному контексту, т. е. дискурс, продуктом которого и есть текстовое сообщение.

В современной лингвистической литературе достаточно распространенным является рассмотрение речи, преимущественно устной, как феномена тождественного дискурсу. Такое понимание восходит к французской традиции, представители которой отождествляют дискурс с семиотическим процессом, «который... следует понимать как все многообразие способов дискурсивной практики, включая практику языковую и неязыковую...» [7, с. 40]. Дискурс трактуют также как особое использование языка для выражения ментальности, особый мир, «за которым встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления, особая семантика» [8, с. 42-44]. Т.о. общим для всех приведенных выше трактовок является определение дискурса как речевого продукта, в котором имплицированы социальные структуры и правила.

Текст как ценностная знаковая форма организации речи, участвует в обмене коммуникативной деятельностью в качестве предметно-знакового носителя обмена» [6, с. 69]. Будучи разграниченным по способу репрезентации на устный и письменный, текст не имеет ограничений по протяженности, он может равняться слову, словосочетанию, предложению, если они представляют самодостаточную информацию, ситуативно обеспечивающую понимание ее адресатом [6, с. 27]. При этом все функционально-жанровое, стилистическое разнообразие текстов не позволяет дать единого определения, т. к. каждый текст в процессе коммуникации имеет особую структурно-композиционную, семантико-смысловую, интенционально-прагматическую природу.

Таким образом, можно говорить, что текст как форма организации речи в процессе передачи сообщения является более узким понятием, чем дискурс, который следует рассматривать не только как само речевое произведение, но и как деятельность, взятая в совокупности процесса и результата, в ходе которой и порождается речемыслительный продукт [3, с. 113; 9, с. 35].

Такой трактовке соответствует определение А. Е. Кибрика, согласно которому дискурс – это «коммуникативная ситуация, включающая сознание коммуникантов (партнеров общения) и создающийся в